

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Кожевников С.А.

Пространственная политика России в XXI веке: проблемы эффективности государственного управления в условиях нарастающих угроз национальной безопасности

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

Аннотация. В условиях обострения геополитического противостояния и нарастания динамизма внешней среды обеспечение национальной безопасности России в значительной степени зависит от эффективности использования внутренних факторов развития, к которым относится значительный, однако в настоящее время недостаточно рационально используемый пространственный потенциал. В статье с опорой на данные официальной статистики, собственных мониторинговых исследований, результатов общероссийских и региональных социологических опросов, анализа итогов практической реализации стратегических документов в этой сфере, а также мнения ведущих экспертов представлена оценка эффективности государственного управления пространственным развитием России. Показано, что рыночные реформы 90-х гг. XX века,

---

Для цитирования: Ильин В.А., Кожевников С.А. (2026). Пространственная политика России в XXI веке: проблемы эффективности государственного управления в условиях нарастающих угроз национальной безопасности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 9–35. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.1

For citation: Ilyin V.A., Kozhevnikov S.A. (2026). Russia's spatial policy in the 21st century: Problems of effective public administration in the face of growing threats to national security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 9–35. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.1

а также развитие страны в следующие десятилетия в рамках либеральной модели привели к локационному сжатию освоенного социально-экономического пространства, депопуляции и деградации потенциала малых/средних городов, сельских территорий, снижению качества жизни на периферийных территориях, что является серьезным риском национальной безопасности. Приведенные в работе объективные факты и субъективные оценки жителей указывают на острую необходимость повышения эффективности стратегического государственного управления пространственным развитием. В первую очередь это касается отказа от подхода к пониманию пространства страны как «бремени», необходимости повышения ответственности органов власти всех уровней за достижение целевых показателей государственных стратегий и программ развития. В работе обоснованы ключевые направления совершенствования федеральной и региональной государственной политики и показано, что для их эффективной реализации на практике нужна «национализация» правящих элит, ориентиром деятельности которых должна стать реализация суверенного курса развития в условиях обострения экономической, военной и социокультурной конфронтации, что позволит обеспечить консолидацию власти и общества перед лицом стоящих вызовов. Прирост авторского капитала состоит в расширении подходов к оценке пространственного развития страны в условиях возрастающей роли территориальных сообществ в данных процессах и обосновании стратегических приоритетов трансформации государственной пространственной политики России в контексте обострения современных вызовов.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, пространственное развитие, локационное сжатие пространства, либеральная модель, правящие элиты, национальная безопасность.

Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа.

Бердяев Н.А. (1990). Судьба России. М.: Философское общество СССР. 240 с.

Специфика современного этапа мирового развития заключается в обострении кризиса в глобальной системе капитализма (неоколониализма), вылившегося в открытое противостояние стран и их блоков по линии «Запад – Не-Запад»¹.

Горячей фазой такого противостояния стали события на Украине², военное столкновение США и Израиля против Ирана (июнь 2025 г., февраль – апрель 2026 г.), а также целый ряд других военных региональных конфликтов (2024–2026 гг.: Венесуэла, Куба, страны Латинской Америки).

«... триггером к постепенному разрушению современной системы неоколониализма послужили события 2022 года, когда США развязали прокси-войну с Россией на территории Украины.

Возникшее противостояние инициировало создание геополитических альянсов стран, а также разграничило зоны влияния таких центров силы, как США, Китай, Россия, Иран. Эти процессы нарушили исходную неоколониальную модель и запустили формирование модели многополярного мира»³.

¹ Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 33–54. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.2

К Западу автор относит коалицию следующих стран: США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Япония, страны Евросоюза. К Не-Западу – Россию, Китай, Иран, Турцию, Саудовскую Аравию, Индию и др.

² Коровин В. Загнать англосаксонского дьявола на его камень // Завтра. № 14. 28.03.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/zagnat_anglosaksonskogo_d_yavola_na_ego_kamen_?ysclid=mnzkhkckbe3501299

³ Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 55.

При этом следует понимать, что, несмотря на их региональный характер, в настоящее время речь идет о *глобальных тектонических изменениях*: это не только и не столько геополитический, сколько уже глобальный *цивилизационный конфликт о том, как будет устроен новый мировой порядок*⁴. И, по мнению экспертов, для России нынешняя СВО в данном противостоянии всего лишь эпизод (следующей потенциальной точкой геополитической напряженности может стать Арктика)⁵.

Такие тектонические изменения в мировом миропорядке имеют объективную основу и связаны с формированием в последние три десятилетия новых мировых центров силы. Так, в 1992 году доля стран «Большой семерки» в мировом

«Нынешняя политическая турбулентность продолжает оформляться на десятилетие вперед противостоянием России и Запада на всех уровнях: от геополитического до духовного и нравственного. И нынешняя СВО является всего лишь эпизодом этого масштабного конфликта цивилизаций. Это надо понимать»⁷.

«Многие аналитики сейчас выдвигают предположение, что третья мировая война уже началась и мы находимся в ее первой стадии... Это война однополярности и многополярности за новую архитектуру мира, за распределение в мире суверенных центров принятия решений – либо только на Западе, либо среди набирающих силу государств-цивилизаций»⁸.

ВВП по паритету покупательной способности составляла 45,7%, а БРИКС (даже без учета его расширения)⁹ – 16,5%; в 2022 году «семерка» – уже 30,3%, БРИКС – 31,5%. По оценкам, к 2028 году ситуация еще больше поменяется в сторону БРИКС: на долю данного блока будет приходиться 36,6% мирового объема ВВП, а «семерки» – 27,8%¹⁰.

По мнению экспертов¹¹, в ходе такого противостояния формируется новый *многополярный мир*. При этом Россия как исторически сложившееся Государство-Цивилизация (какой она была и в период Российской империи, и в СССР) наряду с Китаем и Индией может и должна претендовать на *роль организующего центра одной из таких формирующихся макрзон*, т. е. пространственных комплексов производства и обмена с населением не менее 250–300 млн чел.¹²

«Многополярный мир создается сам по себе, по факту. Мы можем ускорить этот процесс, можем, или кто-то может попытаться его затормозить... Но его создание неизбежно. Оно происходит само по себе, и происходит оно в связи с ростом потенциала многих стран, в том числе и не в последнюю очередь с ростом потенциала Китайской Народной Республики. Индия растет в Азии, Индонезия растет и многие другие государства, в Латинской Америке – Бразилия, Россия встает на ноги и крепнет»¹³.

⁴ Потуремский В. Сейчас идет цивилизационный конфликт, который решит, как будет устроен новый мир. 04.04.2025. URL: <https://kazanfirst.ru/interviews/585064?ysclid=m92d04qzo327985344>

⁵ За что и какой будет война в Арктике. URL: <https://mosregdata.ru/article/arctic-war-what-will-it-be-like>

⁶ Большая семерка: США, Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония.

⁷ Кухмиров П. Международная турбулентность: СВО лишь эпизод большого конфликта цивилизаций. URL: <https://sevastopol.su/news/mezhdunarodnaya-turbulentnost-svo-lish-epizod-bolshogo-konflikta-civilizaciy>

⁸ Дугин А. Геополитика третьей мировой войны // РИА Новости. 26.03.2026. URL: <https://ria.ru/20260326/geopolitika-2082902877.html>

⁹ Состав БРИКС: 2009 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай; 2011 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР; 2024 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия; с 2025 г. – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, Индонезия.

¹⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431>

¹¹ О контурах долгосрочного прогноза... и что это значит для Арктики // ЦМАКП. Март 2025 г.; Дугин А. Государство-Цивилизация // Изборский клуб. 31.02.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/22879>

¹² Фурсов А., Титов И. На переломе эпох о спецоперации, Евросоюзе и влиянии англосаксов // Завтра. 28.04.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/na_perelome_epoh_fursov

¹³ Интервью В. Путина медиакорпорации Китая. 16.10.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508>

Однако для этого она должна быть сильным и развивающимся экономическим и социокультурным центром для дружественных стран. Эта задача была стратегически значимой на протяжении всей истории развития современной России. Так, еще в своей первой предвыборной статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.) Президент РФ В.В. Путин обратил внимание на необходимость реализации курса на формирование в России сильного государства, способного обеспечивать безопасность и отстаивать национальные интересы на международной арене. Для этого, по его мнению, важны консолидация власти и всех слоев российского общества, достижение гражданского согласия и единства, формирование эффективной отечественной экономики.

«Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее. Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»¹⁴.

Реализация данных стратегических приоритетов по-прежнему является весьма важной с учетом специфики современного исторического этапа мирового развития, момента «великого перелома», заключающегося в его *остром, краеугольном и судьбоносном для нашей страны характере*, который ведущие эксперты, на наш взгляд, справедливо сравнивают с состоянием мирового общества перед началом Первой и Второй мировых войн. Это время обострения идеологического противостояния в мире, «размывания» норм международного права, формирования блоков противоборствующих стран, отстаивающих свои интересы силовым путем.

«Мы исходим из того, что существуют глубокие параллели между наступающей эпохой и 30-ми – 40-ми годами XX века. Наблюдая такие параллели, иногда приходишь к мысли, что мировая система как будто обречена на повторы, вязнет в навязчивых «вечных возвращениях»¹⁵.

«Мы живем в военное время – военное вдвойне... Одновременно с горячей, то параллельно ей, то переплетаясь с ней, развивается набирающая силу иная форма – организационная война... Именно эта сфера постепенно становится основным театром действий...»¹⁶

Важно отметить, что для современной России острота современного момента имеет еще одно важное измерение: это не просто переход от однополярного к многополярному миру со всеми вытекающими отсюда последствиями, а это борьба за суверенитет, который страна по большому счету утратила в 1991 году вместе с распадом СССР как финальной точкой, символизирующей победу Запада в «холодной войне» и установление однополярного мира.

«Прежде всего следует признать, и я уже об этом говорил ранее, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века. И для российского народа это стало настоящей драмой»¹⁷.

«... после крушения СССР в 1991 году страна попала в прямую, хотя и не полную, зависимость от США, став по существу неокOLONиальным государством и не имея возможности полноценно реализовывать свою линию развития»¹⁸.

¹⁴ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html

¹⁵ Аверьянов В. Новые 30-е и угроза транснацизма // Изборский клуб. 31.01.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25367>

¹⁶ Фурсов А. Психоисторическая война // Изборский клуб. 02.01.2014. URL: <https://izborsk-club.ru/2439>

¹⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 25.04.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/22931?ysclid=mnskt67a8n212761081>

¹⁸ Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неокOLONиальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 52.

При этом, чтобы занять в новом формирующемся в мире образе будущего достойное место, необходимо обеспечить *внутреннюю устойчивость государства*, поскольку в «полукOLONIALном» состоянии наша страна существовать просто не сможет. Такая устойчивость напрямую определяется не только военной мощью, но и наличием эффективной экономики, технологическим суверенитетом страны, высоким уровнем и качеством жизни населения.

В условиях внешнего геополитического противостояния устойчивость России как самой большой по площади территории страны в мире в значительной степени зависит также от эффективного использования других внутренних факторов развития, к которым относится огромный *пространственный потенциал*, используемый однако недостаточно эффективно в контексте национальной безопасности и формирования развитого внутреннего рынка.

В нашем понимании и с опорой на мнения ведущих отечественных экспертов пространственный потенциал страны следует трактовать широко и *включать в него не только характеристики степени хозяйственной, поселенческой освоенности и обжитости территории, но и население с его историческим опытом, традициями и другими цивилизационными и социокультурными чертами*¹⁹. Так, А.С. Панарин, являющийся одним из ведущих в России специалистов и критиков глобализма, общества потребления, рассматривал пространственный потенциал страны как *«синтез геополитического положения, цивилизационной идентичности и человеческого капитала»*²⁰. Схожей позиции придерживался В.Л. Цымбурский, отмечая, что геополитический и пространственный потенциал России определяется *«не только*

контролем над огромными территориями, но и уникальным сочетанием цивилизационной идентичности, исторического опыта освоения «трудных пространств», социокультурной специфики». Таким образом, население с его историческим опытом, традициями и ценностной пассионарностью рассматривается как ключевой компонент пространственного потенциала страны²¹.

Об этом же свидетельствует и история: нарастание могущества нашей страны как Государства-Цивилизации (во времена Петра I, Екатерины II, Александра II и т. п.) всегда шло параллельно с расширением ее освоенного пространства, ростом численности населения и формированием устойчивых территориальных сообществ²². Так, в период своего бурного роста в 1860–1910 гг. Российская империя занимала первое место в Европе по темпам прироста населения (число жителей увеличилось с 74 до 165,7 млн чел.; особенно быстро росло городское население, *рис. 1*).

Однако позитивный вектор развития «сломили» Первая мировая война, Революция 1917 года и Гражданская война, в результате которых страна понесла не только миллионные людские потери, но и утратила свои западные окраины, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, западную часть Белоруссии, Польшу, Бессарабию, население которых в 1914 году насчитывало 35,9 млн человек.

В период СССР население в целом вновь росло довольно быстро (численность населения РСФСР в 1926–1990 гг. выросла с 92,7 до 147 млн чел.), однако рыночные реформы переломили этот вектор развития. В результате смертность населения РФ в 1990-х гг. в 1,5 раза стала превышать рождаемость, а естественный прирост населения впервые со времен Великой Отечественной войны сменился убылью.

¹⁹ Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2018). Территориальная фрагментация единого правового пространства России // Федерализм. № 1. С. 173–190; Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011) / ответственный редактор Л.В. Никифоров. Москва: Институт экономики РАН. 385 с.

²⁰ Панарин А.С. (1995). Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва: Институт философии РАН. 262 с.

²¹ Цымбурский В.Л. (2007). Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: РОССПЭН. 544 с.

²² Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке (2020) / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 365 с.

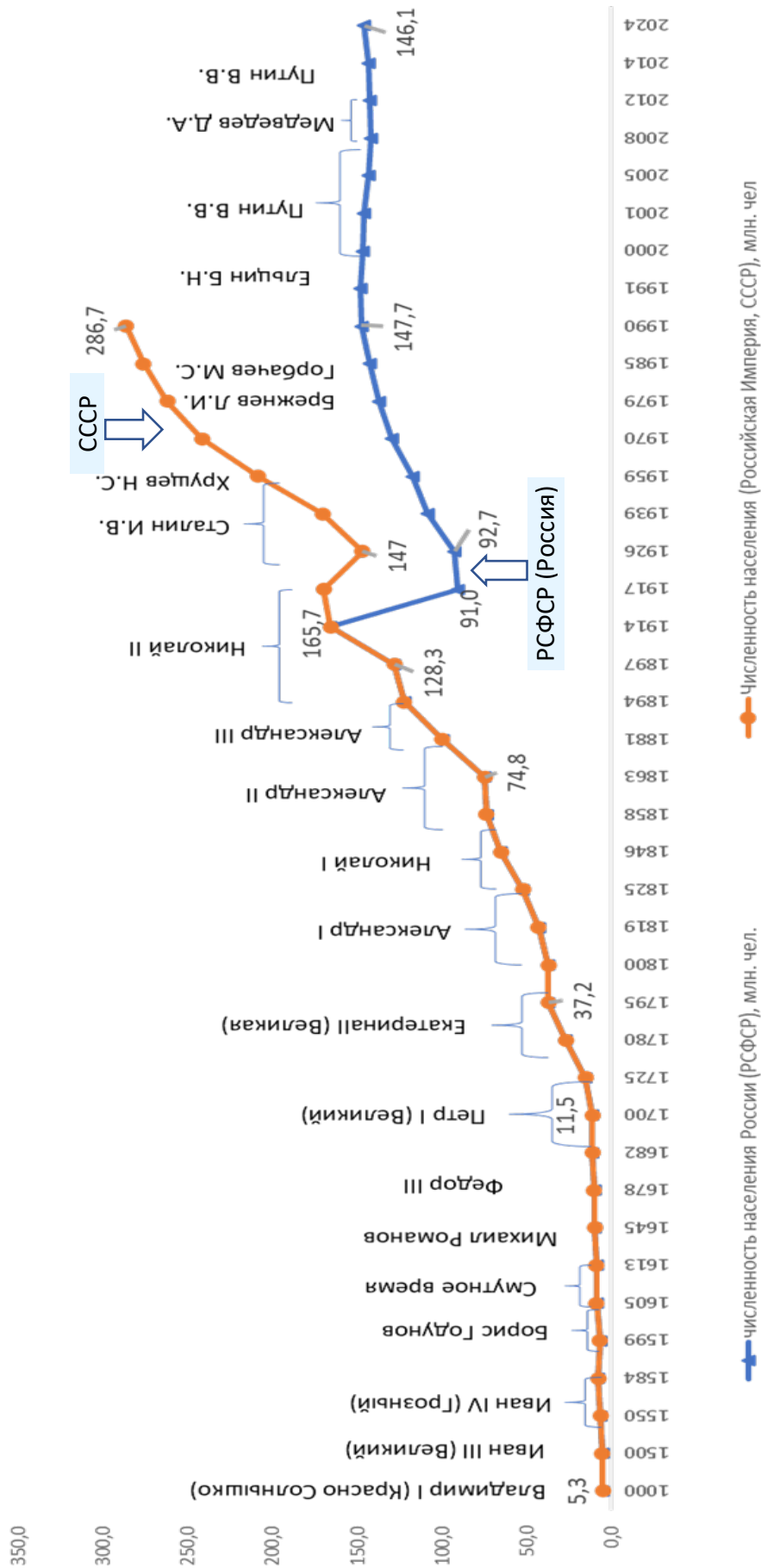

Рис. 1. Динамика численности населения страны на различных исторических этапах развития

Составлено по: Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/72>; данные Росстата.

В период плановой экономики освоение огромных пространств обеспечивалось комплексностью и масштабностью государственных программ и проектов. Однако распад СССР стал переломным моментом, который запустил негативные экономические и демографические процессы в стране.

«Концентрация экономической деятельности в ограниченном числе городских агломераций означает сжатие пространства человеческой деятельности; при таком подходе территория Российской Федерации действительно становится бременем, а не фактором развития»²³.

«Пространственное „сжатие” России – не естественный процесс, а результат политики, игнорировавшей пространственный фактор как самостоятельную категорию управления»²⁴.

«Постсоветские трансформации в сочетании с трендами депопуляции вывели на авансцену проблему „сжатия” освоенного пространства. Либеральная модель не предложила инструментов купирования этого процесса»²⁵.

Подход к пространственному развитию России изменился и стал *«точечным»* – ориентированным на развитие ограниченного числа центров экономического роста, слабо интегрированных между собой и с периферией пространства страны, что не удалось преодолеть в полной мере и к настоящему времени²⁶ (вкладка 1).

При этом следует отметить, что большинство принимаемых в данный период документов не содержало количественных целевых показателей развития, что не только затрудняет проведение объективной оценки эффективности их реализации, но и свидетельствует о *формальном подходе к стратегированию без закрепления ответственности участников за*

выполнение поставленных задач. Например, в Генеральной схеме расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31) была обозначена лишь задача по стабилизации численности населения Дальнего Востока без целевого значения. Вместе с тем на практике в 1994–2024 гг. население Дальневосточного федерального округа сократилось с 8,1 до 5,9 млн чел.

В Указе Президента от 03.06.1996 № 803 «Об основных положениях региональной политики в РФ» (документ утратил силу на основании Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13) в числе ориентиров было обозначено снижение межрегионального разрыва по показателю ВРП на душу населения. Однако по факту данный разрыв в 1995–2017 гг. между 10 регионами-лидерами и 10 регионами-аутсайдерами увеличился с 4,9 до 12,3 раза.

Амбициозные целевые показатели инновационного социально-экономического развития России, обозначенные в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р), ввиду мирового финансового экономического кризиса, санкций, а также отсутствия действенных механизмов практической реализации обозначенных приоритетов в целом оказались недостижимыми. Так, ожидалось ежегодные темпы прироста валового внутреннего продукта (ВВП) на уровне около 6–7%, в результате чего в течение 2008–2020 гг. ВВП должен был увеличиться в 2,25 раза. Однако в реальности за указанный период в сопоставимом виде экономика выросла лишь на 15,1%. Это в значительной степени было обусловлено слабой инвестиционной активностью: реальный прирост инвестиций в основной капитал за данный период составил всего 19,5% (табл. 1).

²³ Крюков В.А., Клисторин В.И., Коломак Е.А., Мельникова Л.В. О ключевых проблемах пространственного развития Российской Федерации и роли и месте научно-экспертного сообщества в разработке подходов по их преодолению. URL: https://www.sbras.ru/files/news/docs/2023_12_08_kryukovva_o_klyuchevyh_problemah_prostranstvennogo_razvitiya_rf.pdf

²⁴ Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2018). Территориальная фрагментация единого правового пространства России // *Федерализм*. № 1. С. 173–190.

²⁵ Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024). Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094

²⁶ Ильин В.А., Кожевников С.А. (2022). Пространственная и социокультурная трансформация России: взгляд из региона // *Муниципалитет: экономика и управление*. № 4. С. 16–29.

Основные вехи в государственной политике пространственного развития современной России

Документ / Решение	Год	Концептуальные приоритеты регулирования	Негативные последствия для пространственного развития России
1. Программа «шоковой терапии» (Указ Президента РСФСР 6 ноября 1991 г. № 172 «Об организации работы Правительства РСФСР в условиях экономической реформы»; Указ Президента РСФСР от 3 декабря 1991 г. № 297 «О мерах по либерализации цен» и др.), в т. ч. отказ от отраслевого территориального планирования	1991 г.	Ликвидация Госплана и системы отраслевого размещения производительных сил, радикальная либерализация цен, приватизация, открытие рынков без учета региональной специфики.	В условиях незавершенности реформ либерализация внешней торговли и инвестиций, разрушение механизмов пространственного прогнозирования сформировали узкую региональную специализацию и усилили мобильность капитала, что способствовало росту дифференциации регионов и концентрации ресурсов в ограниченном числе центров экономического роста, деиндустриализации моногородов и периферии, ускорению миграционного оттока из северных и восточных регионов.
2. Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (одобрена Правительством РФ, протокол от 15.12.1994 № 31)	1994 г.	Переход от политики проживания к политике пребывания некоренного населения на Севере; на Крайнем Севере целесообразно максимально ограничить рост городов. Сдерживание депопуляции села, освоение Дальнего Востока.	Практическая реализация либеральной социально-экономической политики в северных регионах, базировавшейся на снижении роли государства, разрушении многих компенсаторных механизмов, привела к значительным темпам депопуляции регионов Севера.
3. Указ Президента 03.06.1996 № 803 «Об основных положениях региональной политики в РФ» (утратил силу на основании Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13)	1996 г.	Декларация принципов «выравнивания» регионального развития без практических механизмов его реализации.	Документ носил рамочный и довольно декларативный характер и не содержал действенных инструментов пространственного регулирования, что привело к нарастанию центр-периферийной поляризации социально-экономического пространства страны, усиленно диспропорций в инвестиционной привлекательности регионов.
4. Реформа местного самоуправления (Федеральный закон № 154-ФЗ от 28.08.1995 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; Указ Президента РФ № 1370 от 15.10.1999 «Об утверждении Основ государственной политики в области развития местного самоуправления» и др.)	1995–2003 гг.	Децентрализация полномочий при сохранении финансовой зависимости муниципалитетов.	Муниципальная реформа сформировала у муниципалитетов значительные полномочия без достаточного ресурсного обеспечения, что привело к ослаблению локальных центров развития, деградации инфраструктуры малых городов и сел, росту «внутренней периферии» даже в центральных регионах.

Окончание вкладки 1

Документ / Решение	Год	Концептуальные приоритеты регулирования	Негативные последствия для пространственного развития России
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р)	2008 г.	Акцент был сделан на стимулирование «центров роста» и привлечение частного бизнеса в их форсированное развитие.	Ставка на «регионы-локомотивы» усилила концентрацию инвестиций и населения в крупных городских агломерациях, увеличила межрегиональное неравенство и привела к сжатию освоенного социально-экономического пространства страны, депопуляции периферии.
6. Вступление России в ВТО (ФЗ № 126-ФЗ от 21.07.2012 «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации»)	2012 г.	Открытие рынков без протекционистской защиты отечественных производителей.	Либерализация торговли ударила по регионам с обрабатывающей промышленностью, привела к обострению проблемы деиндустриализации периферийных регионов, росту импортозависимости и узависимости региональных экономик.
7. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»	2017 г.	Сбалансированное социально-экономическое развитие всех регионов страны, а также создание условий для повышения качества жизни граждан, независимо от места их проживания.	На практике произошло привлечение частных инвесторов, поощрение миграции, развитие инфраструктуры преимущественно в экономически сильных регионах. Это привело к усилению «столичного перекоса», росту внутренних миграционных потоков и социально-экономическому «опустыниванию» периферии.
8. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р)	2019 г.	Фокус на поддержку развития 42 крупнейших (с населением свыше 1 млн чел.) и крупных (свыше 0,5 млн чел.) городских агломераций. В более поздних редакциях документа — дополнительно к ним поддержана 23 городских агломераций («второго эшелона») с населением менее 500 тыс. чел.	Форсированный центростремительный вектор пространственного развития России и ее регионов, что ускорило отток населения из малых городов и сельской местности, усилило демографическую нагрузку на трудоспособное население в большинстве субъектов и обострило внутрирегиональные контрасты.
9. Стратегия пространственного развития РФ до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р)	2024 г.	Формирование сбалансированной системы расселения и организации экономики РФ за счет развития опорных населенных пунктов.	В числе потенциальных рисков — деградация потенциала опорных населенных пунктов ввиду недостаточного внимания к модернизации их экономики.

Таблица 1. Целевые и фактические значения социально-экономического развития России в 2008–2020 гг. согласно Концепции-2020

Показатель	Базовый период (2007 г.)	Плановое значение по периодам (2008–2020 гг.) и нарастающим итогом	Фактическое значение (2008–2020 гг.)
1. Численность населения, млн чел.	142,1	2008–2010 гг. – 141,8; 2011–2015 гг. – 142,2; 2016–2020 гг. – 143,4	147,4 (2020 г.)
2. Среднегодовой темп прироста ВВП, %	8,1	2008–2010 гг. – 6,8%; 2011–2015 гг. – 6,4%; 2016–2020 гг. – 6,3%. Всего планируемый рост за период – 2,25 раза	прирост на 15,1% за весь период
3. Среднегодовой темп прироста реальных располагаемых доходов населения, %	10,1	2008–2010 гг. – 10%; 2011–2015 гг. – 7%; 2016–2020 гг. – 6,7%. Всего планируемый рост за период – 2,29 раза	прирост на 12% за весь период
4. Среднегодовой темп прироста инвестиций, %	21,1	2008–2010 гг. – 14–14,8%; 2011–2015 гг. – 10,3%; 2016–2020 гг. – 10%. Всего планируемый рост за период – 3,9 раза	прирост на 19,5% за весь период
5. Среднегодовой темп прироста розничного товарооборота, %	16,1	2008–2010 гг. – 12,8%; 2011–2015 гг. – 7,5%; 2016–2020 гг. – 6,4%. Всего планируемый рост за период – 2,8 раза	прирост на 22,9% за весь период
Источник: расчеты авторов по данным Росстата.			

При этом Концепция-2020 неоднократно и справедливо критиковалась ведущими экспертами (С.Ю. Глазьевым, М.Г. Делягиным и др.) за слабую проработку: документ был разработан в период экономического подъема 2006–2008 гг. и не учитывал возможность системных кризисов, что сделало его нереализуемым уже на старте; прогнозы строились на основе эконометрической экстраполяции сложившихся тенденций, а не моделирования качественного перехода на инновационную траекторию; были недооценены возможности прорывного роста за счет освоения новых технологий, наблюдалось фундаментальное несоответствие между декларируемыми целями документа и реальной бюджетной политикой.

В 2019 году в государственной политике пространственного развития с принятием Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) начался новый этап. Если в первых редакциях документа фокус был сделан на поддержку развития лишь 42 крупнейших (с населением свыше

1 млн чел.) и крупных (свыше 0,5 млн чел.) городских агломераций, то в более поздних редакциях дополнительно к ним были выделены 23 городских агломерации с населением менее 500 тыс. чел. («второго эшелона»).

«Громкорекламно заявленная ... «новая политика роста» в своей макроэкономической части тождественна реставрации обанкротившихся методов 1990-х, гарантирующей снижение темпов экономического роста, стагнацию инвестиционной и инновационной активности, продолжение тенденций народнохозяйственной деградации»²⁷.

«Чего стоила убогая Стратегия-2020, авторы которой не смогли даже проработать механизмы достижения произвольно собранных, не согласованных и не обоснованных целей! Ее разработчики спаслись от критики, расширив документ до почти тысячи страниц, что сделало его нечитаемым. Разработанная ... Стратегия-2020 стала символом интеллектуального банкротства либералов»²⁸.

²⁷ Глазьев С.Ю. (2012). Эволюция новой экономической системы. «Стратегия 2020» – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. № 2. С. 3–9.

²⁸ Делягин М. Мауизм как высшая стадия либерализма // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/6476>

Для отстающих в развитии регионов страны разрабатывались и реализовывались индивидуальные программы развития (ИПР). Таким образом, был создан определенный механизм преодоления негативных процессов форсированного «стягивания» ресурсов в города-миллионники. Однако данные ИПР характеризовались недостаточной результативностью. В частности, на их реализацию за 2020–2024 гг. было направлено 49,4 млрд руб. из федерального бюджета и 1,7 млрд руб. – из региональных бюджетов. Однако, по оценкам Счетной палаты РФ, *36,4% от общего объема расходов федерального бюджета не привели к запланированным результатам, по 37 из 120 мероприятий (30,8%) ИПР плановые показатели достигнуты не были*²⁹.

Вместе с тем, несмотря на определенные сложности, целевые значения по двум из трех показателей в рамках инерционного сценария Стратегии пространственного развития России до 2025 года в целом были достигнуты (табл. 2).

Одной из ключевых причин низкой результативности стратегических документов федерального, макрорегионального и регионального уровней, по мнению экспертов, является слабая

реализация на практике основных положений федерального закона о стратегическом планировании³⁰. К числу главных проблем относят слабую взаимоувязку разрабатываемых документов по целям, задачам и показателям; низкую вовлеченность субъектов экономической деятельности в стратегическое планирование, которое в результате этого носит формальный характер без реальной ответственности за реализацию поставленных целей.

«Сегодня, несмотря на более чем 60 тысяч принятых документов стратегического планирования, они не оказывают заметного влияния на экономическое развитие, поскольку не содержат никаких мер ответственности за их выполнение...»³¹.

«...закон так до конца и не имплементирован в практику государственного управления. Не удалось сформировать единую эффективно действующую систему стратегического планирования, реализацию заложенных в законе принципов стратегического планирования, что существенно ограничивает способность государства ставить и достигать национальные цели развития»³².

Таблица 2. Показатели реализации Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года

Целевой показатель	Сценарий на 2025 г.		Факт (2023 г.)
	инерционный	целевой	
Среднегодовые темпы роста ВРП субъектов РФ, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста РФ, % в 2017–2025 гг.	102,6	103,7	102,8
Отношение среднедушевого ВРП субъектов РФ, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям (кроме Арктической зоны), к среднероссийскому значению, %	66	70	67
Транспортная мобильность населения по видам транспорта (всего), тыс. пасс.-км на человека в год	9,4	9,7	8,0
Составлено по: Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf?spm=a2ty_o01.29997172.0.0.737b55fblq3N9v&file=konceptiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf			

²⁹ Отчет Счетной палаты РФ «Аудит реализации индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, направленных на создание эффективной экономики в 2020–2024 годах». URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/954/r8bgr7kakm1pjxkogf26xftkv1ljllf2/Otchet_IPR.pdf

³⁰ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

³¹ Глазьев С. Кризисная воронка. URL: <https://glazev.ru/krizisnaja-voronka/>

³² Ленчук Е.Б. (2021). Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // Экономическое возрождение России. № 3 (69). С. 25–30. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-25-30

Все это не позволяет успешно согласовать интересы регионов и частного бизнеса для эффективной реализации стратегии развития макрорегионов.

«Стратегические документы – это хорошо. Они дают некоторое представление о направлениях развития... Но от представления до практической реализации – дистанция огромного размера. Предыдущая стратегия была просто конгломератом локальных представлений и предложений от регионов. Общесибирская направленность там плохо просматривается»³³.

В частности, академик В.В. Крюков, характеризуя проблемы с практической реализацией Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года, отмечает, что данный документ по факту был «конгломератом» локальных представлений и предложений от регионов, слабо увязанных с решением стратегических задач развития Сибири как обширного социально-экономического пространства, имеющего важное народнохозяйственное и геостратегическое значение в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

Вместе с тем следует отметить, что с утверждением новой Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р) появились новые институты и механизмы государственного регулирования пространственного развития в области размещения производительных сил, расселения, повышения инфраструктурной связности территорий,

что, учитывая внутренние и внешние вызовы, является, несомненно, позитивным шагом.

Одним из ключевых механизмов реализации пространственной политики до 2036 года является Единый перечень опорных населенных пунктов (ОНП), более половины состава которого – малые города, поселки городского типа, села. В случае эффективной практической реализации программ развития данных ОНП, на наш взгляд, могут быть созданы объективные предпосылки для преодоления негативных тенденций в пространственном развитии страны.

Однако следует признать, что, несмотря на все предпринимаемые на федеральном уровне меры (часть из которых, на наш взгляд, действительно являются верными), к настоящему времени практическая реализация реформ не смогла преодолеть негативные тенденции *депопуляции* и *форсированной периферизации освоенного социально-экономического пространства России* на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

Так, в постсоветский период население увеличивалось лишь в регионах Центрального федерального округа (с 37,9 до 40,2 млн чел., на 6,1%, табл. 3), Южного федерального округа (в значительной мере за счет присоединения Крыма и Севастополя: с 13,3 до 16,6 млн чел., на 25,5%) и Северо-Кавказского федерального округа (с 7,3 до 10,2 млн чел., на 40,4%; за счет традиционно высокой рождаемости). В свою очередь с 1989 года Дальний Восток потерял 25,5% своего населения (сокращение с 8,0 до 5,9 млн чел.), Сибирь – почти 12% (с 21,1 до 18,6 млн чел.), Приволжский федеральный округ – 10% (с 31,8 до 28,6 млн чел.).

³³ Академик Валерий Крюков – о том, какой должна быть новая стратегия развития Сибири. URL: https://rg.ru/2023/01/11/v-sibir-po-dobroj-vole.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.ieie.su%2F

Таблица 3. Численность населения в РФ по федеральным округам в 1989–2023 гг., млн чел.

Территория / Год	1989	2002	2012	2014	2023	2012 к 1989, %	2014 к 1989, %	2023 к 1989, %
РФ (1989 г. – РСФСР)	147,0	145,3	143,4	146,5**	146,3***	97,5	99,7	99,5
ЦФО	37,9	38,0	38,8	39,3	40,2	102,2	103,5	106,1
СЗФО	15,2	14,0	13,7	13,8	13,9	89,9	90,7	90,9
ЮФО	13,3	13,9	13,9	16,3**	16,6***	104,9	123,2	125,5
СКФО	7,3	8,9	9,5	9,7	10,2	131,0	132,9	140,4
ПФО	31,8	31,2	29,8	29,7	28,6	93,7	93,5	90,0
УФО	12,5	12,4	12,2	12,3	12,3	97,1	97,8	97,9
СФО (в границах 1989 г.)*	21,1	20,1	19,3	19,3	18,6	91,5	91,6	88,1
ДФО (в границах 1989 г.)*	8,0	6,7	6,3	6,2	5,9	78,7	78,2	74,5

* До 2018 г. Республика Бурятия и Забайкальский край были в составе СФО, с 2018 г. – в составе ДФО.
** С учетом Республики Крым и г. Севастополя.
*** Без учета Луганской, Донецкой народных республик, Херсонской, Запорожской областей.
Для справки: на данных территориях, по оценочным данным, до начала специальной военной операции проживало порядка 6,16 млн чел. Источник: Что известно о регионах, присоединяющихся к России // РБК. 03.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/10/2022/632d6cd89a79476454bb5d08>
Составлено по: данные Росстата.

При этом негативные тенденции коснулись и значительной части городов (прежде всего малых и средних) в большинстве федеральных округов страны. К числу значительно депопулирующих (т. е. с убылью населения в 1989–2024 гг. более 15%) в настоящее время относятся 75,6% городов Дальневосточного, 64% – Сибирского, 62,8% – Северо-Западного федерального округов³⁴.

В результате эти негативные процессы привели к дальнейшему *разрушению опорного каркаса расселения, «оголению» огромных пространств*, что является угрозой национальной безопасности. Об этом особенно ярко свидетельствуют данные по Северо-Западному

федеральному округу. Так, в 1989–2023 гг. практически в 90% муниципалитетов макрорегиона (168 из 188 ед.) отмечалась негативная динамика численности населения. При этом почти в половине депопулирующих территорий за данный период снижение составило от 25 до 50% (*вкладка 2*).

В свою очередь прирост населения наблюдался лишь в 10,6% муниципальных образований, к которым относятся, прежде всего, муниципалитеты Ленинградской области, приближенные к г. Санкт-Петербургу, что выступает одним из проявлений агломерационных процессов, а также ряд территорий Калининградской области.

³⁴ Расчеты по: Изменение численности населения городов с 1989 по 2024 год. URL: https://mojgorod.ru/cities/popc2024_1989_4.html

Группировка муниципальных образований СЗФО по динамике численности населения в 1989–2023 гг.

Численность населения, % к уровню 1989 г.*	Количество муниципальных образований в группе, ед. (% от общего числа по СЗФО)	Регион и число муниципальных образований
20,0–49,9	44 ед. (23,4%)	Архангельская область (11), Республика Карелия (8), Республика Коми (7), Псковская область (7), Мурманская область (6), Новгородская область (4), Калининградская область (1)
50,0–74,9	94 ед. (50%)	Вологодская область (21), Псковская область (16), Новгородская область (16), Республика Коми (10), Архангельская область (10), Республика Карелия (7), Мурманская область (6), Ленинградская область (5), Калининградская область (2), Ненецкий авт. округ (1)
75,0–99,9	30 ед. (15,9%)	Вологодская область (6), Ленинградская область (6), Калининградская область (5), Республика Карелия (3), Республика Коми (3), Архангельская область (3), Псковская область (2), Ненецкий авт. округ (1), Новгородская область (1)
Итого: снижение численности в 168 из 188 муниципальных образований (89,4% от общего числа)		
100,0–124,9	12 ед. (6,5%)	Калининградская область (5), Ленинградская область (4), Вологодская область (1), Псковская область (1), Новгородская область (1)
125,0–149,9	3 ед. (1,6%)	Калининградская область (2), Ленинградская область (1)
150,0–174,9	1 ед. (0,5%)	Калининградская область (1)
175,0–199,9	1 ед. (0,5%)	Ленинградская область (1)
в 2 раза и более	3 ед. (1,6%)	Калининградская область (2), Ленинградская область (1)
Итого: увеличение численности в 20 из 188 муниципальных образований (10,6% от общего числа)		

* В таблице представлена группировка муниципальных образований по динамике численности населения в 1989–2023 гг. Например, в группу «20,0–49,9» попали 44 муниципальных образования СЗФО, численность населения которых в 2023 г. составляла от 20 до 49,9% к уровню 1989 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Наряду с депопуляцией другой ключевой проблемой пространственного развития России является *сохраняющаяся, а по ряду социально-экономических показателей даже усиливающаяся межрегиональная дифференциация*. Так, в постсоветский период отношение среднедушевого валового регионального продукта (ВРП) 10 субъектов-лидеров к ВРП 10 субъектов-аутсайдеров выросло с 4,9 до 12,8 раза (при этом существенный рост дифференциации отмечался в 2000–2010 гг.); по инвестициям в основной капитал на душу населения межрегиональные различия выросли с 6,7 до 17,9 раза (табл. 4).

Несколько лучше ситуация складывается по социальным показателям за счет проведения государством «перераспределительной» политики. Так, дифференциация 10 регионов-лидеров и 10 регионов-аутсайдеров по среднедушевым доходам населения снизилась с 5,0 до 3,4 раза. С 2000 года отмечается снижение дифференци-

ации регионов по доходам консолидированного бюджета на душу населения (с 13,1 до 5,9 раза).

При этом различия между регионом-лидером по уровню подушевого ВРП и регионом-аутсайдером существенно выше: в 2024 г. – **69,6 раза** (Ненецкий авт. округ / Республика Ингушетия).

Для справки:

Различия в максимальном и минимальном значениях подушевого ВРП:

- Индия – 10 раз (28 штатов, 8 союзных территорий),
- Бразилия – 5,7 раза (26 штатов, 1 федеральный округ),
- КНР – 4,5 раза (34 единицы провинциального уровня),
- США – 2,2 и 5,3 раза (без учета и с учетом округа Колумбия / DC; 50 штатов)³⁵.

Таблица 4. Дифференциация субъектов РФ по ключевым социально-экономическим показателям

1. ВРП на душу населения, тыс. руб.					
	1995 г.*	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	9566,3**	39,5	263,8	830,8	1276,5
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	16980,7	81,2	1026,7	3442,5	5397,7
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	3437,8	12,2	88,1	254,9	419,1
Группа 1 / Группа 2, раз	4,9	6,6	11,7	13,5	12,8
2. Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.					
	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	1,7	7,9	64,1	157,3	273,2
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	6,46	44,5	311,1	788,3	1376,1
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	0,96	1,7	22,7	51,0	80,1
Группа 1 / Группа 2, раз	6,7	26,3	13,7	15,4	17,9
3. Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб. в месяц					
	1995 г.*	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	0,5	2,3	19,0	40,3	64,0
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	1,0	4,8	34,5	74,6	121,6
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	0,2	1,0	10,5	22,4	35,6
Группа 1 / Группа 2, раз	5,0	4,8	3,3	3,3	3,4
4. Доходы консолидированного бюджета на душу населения, тыс. руб.					
	1992 г.*	2000 г.	2010 г.	2021 г.	2024 г.
Среднее по РФ	16,8	7,3	45,8	120,3	168,5
Среднее среди 10 регионов-лидеров (группа 1)	42,7	31,8	151,0	449,4	497,1
Среднее среди 10 регионов-аутсайдеров (группа 2)	8,8	2,4	26,0	68,5	84,2
Группа 1 / Группа 2, раз	4,8	13,1	5,8	6,6	5,9

* При расчете был выбран период, за который в статистике представлены открытые и полные данные по всем регионам страны.
 ** Стоимостные значения показателей представлены в текущих ценах.
 Источник: расчеты авторов.

³⁵ Бахтизин А.Р. (2024). Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. С. 69–88.

Все это является следствием проводимой в течение последних десятилетий политики *рыночной организации пространства*, фокус в которой был сделан на поддержку *ограниченного числа «регионов-локомотивов», крупнейших агломераций*, что привело к сжатию освоенного социально-экономического пространства России. При этом огромное пространство зачастую стало рассматриваться в качестве *«бремени»* для экономического роста и устойчивого развития страны.

Особенно острыми масштабы дифференциации видятся на внутрорегиональном уровне. В частности, периферизация проявляется здесь не только в депопуляции, но и в *разрушении социально-экономического базиса территорий, удаленных от крупных городов*, что ведет к росту неоднородности социально-экономического

пространства региона. Так, если в 2000 году в городских агломерациях Вологодской области проживало 68% от численности населения региона, то в 2024 году — уже 74%. Аналогичные процессы концентрации характерны для производства продукции сельского хозяйства (рост с 55,6 до 58,5%), инвестиций в основной капитал (с 77,6 до 88,4%, табл. 5).

На фоне этого происходит затухание социально-экономической активности на периферии, рост дифференциации по линии «город — село», снижение уровня и качества жизни населения. Например, разрыв между городом и селом по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2000–2024 гг. увеличился с 1,5 до 1,8 года; в уровне располагаемых ресурсов домохозяйств — с 9,5 до 13,4 тыс. руб. на одного члена домохозяйства.

Таблица 5. Доля городских агломераций и иных территорий в ключевых показателях социально-экономического развития Вологодской области в 2000 и 2024 гг., %

Показатель	Территория	2000 г.	2024 г.	2024 к 2000, п. п.
1. Численность постоянного населения	Городские агломерации, в т. ч.	67,5**	74,2	+6,7
	<i>Вологодская агломерация*</i>	35,6	39,9	+4,3
	<i>Череповецкая агломерация*</i>	31,9	34,3	+2,4
	Остальные муниципалитеты региона	32,5	25,8	-6,7
2. Объем производства промышленной продукции	Городские агломерации, в т. ч.	94,6	94,7	+0,1
	<i>Вологодская агломерация</i>	10,5	17,8	+7,3
	<i>Череповецкая агломерация</i>	84,1	76,9	-7,2
	Остальные муниципалитеты региона	5,4	5,3	-0,1
3. Объем производства продукции сельского хозяйства	Городские агломерации, в т. ч.	55,6	58,5	+12,9
	<i>Вологодская агломерация</i>	33,9	48,9	+15
	<i>Череповецкая агломерация</i>	21,7	19,6	-2,1
	Остальные муниципалитеты региона	44,4	31,5	-12,9
4. Инвестиции в основной капитал	Городские агломерации, в т. ч.	77,6	88,4	+10,8
	<i>Вологодская агломерация</i>	26,9	29,5	+2,6
	<i>Череповецкая агломерация</i>	50,7	58,9	+8,2
	Остальные муниципалитеты региона	22,4	11,6	-10,8
5. Ввод в действие жилых домов	Городские агломерации, в т. ч.	72,7	80,6	+7,9
	<i>Вологодская агломерация</i>	45,9	50,9	+5,0
	<i>Череповецкая агломерация</i>	26,8	29,7	+2,9
	Остальные муниципалитеты региона	27,3	19,4	-7,9

* В состав Вологодской агломерации входят 4 муниципалитета, граничащих с городом-ядром: г. Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский муниципальные округа; в состав Череповецкой агломерации — 4 муниципалитета: г. Череповец, Кадуйский, Череповецкий, Шекснинский муниципальные округа; остальные территории — 20 муниципальных округов региона.

** Представленные в таблице цифры показывают, какой вклад вносит каждая группа территорий в общий показатель в целом по региону.

Составлено по: Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2024 гг. (2025): информационно-аналитический бюллетень. Вып. 12 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН. 96 с.

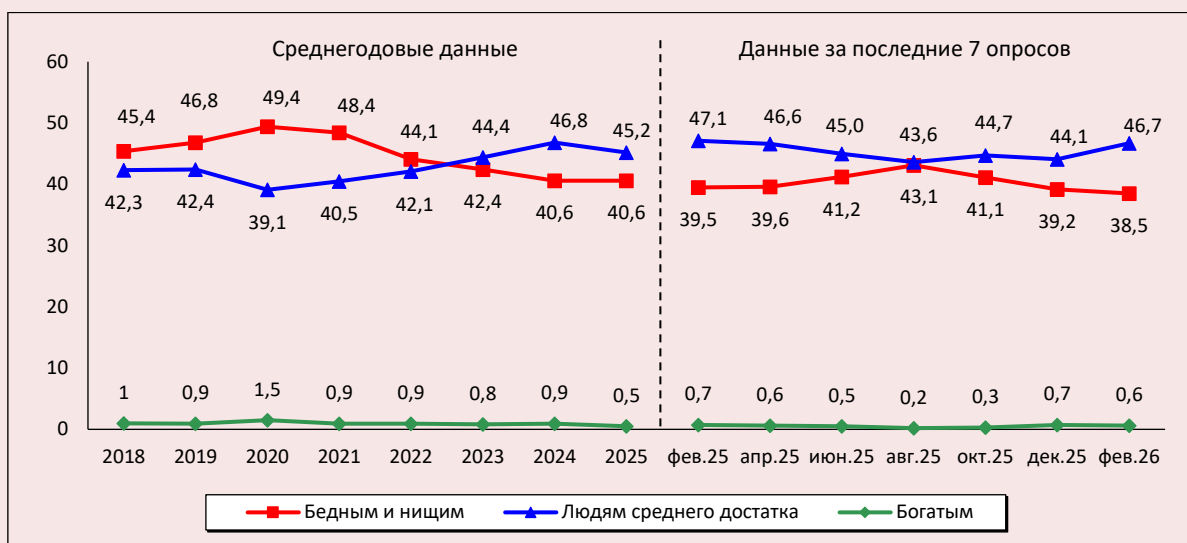
При этом после четырех лет СВО у российского общества накопилась «определенная усталость от геополитики и появился колоссальный запрос на нормализацию быта»³⁶. Вновь остро поднимается значимость решения ключевых социальных и экономических проблем. Как отмечается в исследованиях ВЦИОМ и ВолНЦ РАН, население вновь начинают волновать повседневные проблемы «жизненного мира человека»³⁷: уровень жизни, работа, место проживания, семья, цены в магазинах.

В частности, несмотря на определенное снижение с 2018 года негативных оценок, по-прежнему около 41% жителей Вологодской области идентифицируют себя как «бедных» и «нищих», что актуализирует задачу повышения эффективности госуправления в части повышения благосостояния всех социально-демографических групп населения страны и региона (рис. 2).

Другой ключевой проблемой для большинства жителей выступает *неуверенность в завтрашнем дне*: в 2025 году такую позицию занимали 54,1% ответивших, что на 4,1 п. п. выше уровня 2018 года (табл. 6). При этом наиболее актуальной данная проблема является для слабозащищенных групп населения: наименее материально обеспеченных категорий (57,2%), жителей сельских районов (55,7%), а также людей со средним образованием (57,3%). Всё это отражает глубинную неопределенность, дефицит доверия к институтам и отсутствие долгосрочной предсказуемости, что не компенсируется социально-экономическими улучшениями на территории проживания (по 9 из 10 показателям с 2018 года наблюдается рост положительных оценок).

Несмотря на определенное улучшение ситуации, самыми острыми для жителей по-прежнему являются жилищная проблема (в 2025 году на это указали 23,2% ответивших, что на 9,4 п. п.

Рис. 2. Динамика социальной самоидентификации населения*, % от числа опрошенных

* Распределение ответов на вопрос: «К какой категории Вы себя относите?».
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

³⁶ Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России. 19.12.2025 // Официальный сайт КПРФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?y sclid=mlhmrkgapk916136109>

³⁷ Гендиректор ВЦИОМа назвал темы, которые больше всего волнуют россиян // News.ru. 19.03.2026. URL: <https://news.ru/society/gendirektor-vciom-nazval-temy-kotorye-bolshe-vsego-volnuyut-rossiyan>

Таблица 6. С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошедшем году?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год								Изменение (+/-), 2025 к	
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025*	2018	2022
	Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	50,0	45,9	56,7	53,9	55,8	53,8	51,1	54,1	+4,1
Невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья	32,6	31,1	29,0	27,6	25,9	23,9	22,4	23,2	-9,4	-3
Отсутствие средств на платное лечение	29,1	32,5	32,7	29,7	27,5	25,3	22,5	21,3	-7,8	-6
Сокращение времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно	23,5	24,5	21,5	18,9	17,5	16,9	16,1	16,9	-6,6	-1
Невозможность приобрести туристическую путевку по причине дороговизны	21,2	25,6	19,1	17,0	16,9	14,3	13,3	15,9	-5,3	-1
Необходимость поиска дополнительной работы в связи с низким доходом	24,7	23,9	22,4	19,3	17,7	15,7	15,1	13,9	-10,8	-4

*Ранжировано по данным на 2025 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

ниже уровня 2018 года) и отсутствие средств на платное лечение (21,3%, снижение на 7,8 п. п.), комплексная оценка которых формирует целостное восприятие населением условий проживания и миграционные установки.

Качество жизни на территории в значительной степени зависит от эффективности проводимой государственной политики, успешной реализации на местах стратегических проектов федерального и регионального уровней.

В то же время результаты исследования, проведенного Вологодским научным центром РАН в мае – июне 2025 года³⁸ относительно обеспеченности жителей области объектами инфраструктуры, качества предоставляемых услуг, свидетельствуют о том, что *наиболее низкие оценки на всех территориях региона* (г. Вологда, г. Череповец, муниципальные округа) *получает*

реализация национальных проектов в сферах здравоохранения, образования, демографии и дорог, т. е. именно в сферах, где жители видят наиболее острые проблемы, снижающие качество их жизни³⁹ (табл. 7).

В июле 2020 г. Указом Президента В.В. Путина были закреплены национальные цели развития России до 2030 года, которые предполагают создание условий для всестороннего развития человека. Для достижения данных целей были разработаны и в 2020–2024 гг. реализовывались 14 национальных проектов, направленных на развитие человеческого капитала страны, обеспечение экономического роста и формирование комфортной среды для жизни.

³⁸ Представлены результаты опроса жителей Вологодской области 2025 года в разрезе крупных городов (Вологда, Череповец) и ряда муниципальных округов (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский). Выборка квотная по полу, возрасту, территории и включает в себя 1500 человек в возрасте старше 18 лет. Ошибка выборки по опросу не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%.

³⁹ Более высокие оценки нацпроектов, посвященных экспорту и производительности труда, на наш взгляд, могут быть связаны со слабой осведомленностью жителей о реальных итогах реализации на фоне их опосредованного влияния на жизнь населения.

Таблица 7. Как Вы оцениваете результаты реализации в 2020–2024 гг. следующих национальных проектов? (средний балл по пятибалльной шкале: 1 – самая низкая, 5 – самая высокая оценка)

Национальный проект	Вологда	Череповец	Муниципальные округа*	Область в целом
Цифровая экономика Российской Федерации	3,3	3,5	4,1	3,7
Международная кооперация и экспорт	3,3	4,0	4,1	3,9
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	3,3	4,0	4,1	3,9
Производительность труда	3,2	3,7	4,0	3,7
Наука и университеты	3,2	3,7	4,0	3,7
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	3,3	3,3	4,0	3,6
Культура	3,1	3,5	3,7	3,5
Экология	3,1	3,0	3,7	3,3
Туризм и индустрия гостеприимства	3,1	3,5	3,7	3,5
Безопасные качественные дороги	3,0	3,1	3,6	3,3
Демография	3,1	3,2	3,5	3,3
Образование	3,0	3,4	3,6	3,4
Здравоохранение	3,2	3,1	3,4	3,3

* Отсортировано по убыванию оценок жителей муниципальных округов.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Другой негативной тенденций, которая была раскрыта в последней статье от главного редактора⁴⁰, является *довольно устойчивый разрыв между оценками жителей относительно общей ситуации в стране (преобладание пессимистических оценок) и личной жизни* (осторожный

оптимизм). Так, 26,2% опрошенных ожидают, что 2026 год будет удачным для страны, тогда как для себя и своей семьи – уже 39,6% (выше на 13,3 п. п., табл. 8). Иными словами, имеет место определенная поляризация – разрыв между «страной» и «собой».

Таблица 8. Как Вы считаете, каким будет наступивший год?*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	Изменение (+/-), 2026 к	
										2025	2023
Для России											
Очень удачным, в целом хорошим	35,9	35,7	36,6	31,4	29,0	24,9	25,7	27,6	26,2	-1	+1
Скорее трудным, плохим, очень тяжелым	38,8	36,8	37,4	42,5	44,2	49,2	47,7	46,2	46,2	0	-3
Для области											
Очень удачным, в целом хорошим	32,6	33,6	35,4	28,0	28,9	25,7	28,2	27,5	28,6	+1	+3
Скорее трудным, плохим, очень тяжелым	40,1	39,3	39,1	45,7	46,1	49,0	46,3	46,6	43,8	-3	-5
Для Вас (Вашей семьи)											
Очень удачным, в целом хорошим	39,4	38,1	39,7	34,0	34,7	31,8	35,2	38,0	39,6	+2	+8
Скорее трудным, плохим, очень тяжелым	35,1	35,5	35,8	41,2	40,2	41,6	39,1	37,1	34,5	-3	-7

* Вопросы задавались в феврале 2026 года.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁴⁰ Ильин В.А., Морев М.В. (2026). Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 19–56. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6

В такой ситуации следует обратить внимание на то, что фаза адаптации российского общества в определенной степени завершена: *она перешло от шока 2022–2023 гг. к «новой нормальности» с восстановлением личных ожиданий*, и дальнейшая динамика будет зависеть от способности власти конвертировать стабильность личных ожиданий в позитивные оценки регионального и федерального уровней. Ключевой риск – углубление разрыва между «жизнью здесь и сейчас» и «перспективами страны».

Неблагоприятная среда и неудовлетворенность объективными условиями проживания на территории является одним из факторов, которые определяют миграционные установки населения. По данным проведенного ВЦИОМ в начале 2026 года исследования, почти 19% жителей России планируют уехать из своего населенного пункта⁴¹.

Результаты наших опросов дают схожие результаты. Так, в ближайшие 3–5 лет 14% жителей области планируют переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт; при этом высока доля затруднившихся с ответом (в целом по области сомневающихся около 23%, табл. 9), что также свидетельствует о неустойчивости их миграционных установок, чувствительности их к изменениям в экономике, социальной политике и качестве жизни.

Более устоявшиеся миграционные установки характерны для жителей крупных городов, население которых планирует переехать за пределы региона, а из муниципальных округов – в другой населенный пункт области (более крупный).

О преобладании такого вектора миграции свидетельствуют и данные официальной статистики. При этом если в 2010 году для городов области был характерен миграционный прирост населения (коэффициент составлял 3,7 промилле), то в дальнейшем он сменился убылью (в 2023 году –0,5 промилле); на селе темпы миграционной убыли за аналогичный период сократились с 9,5 до 1,3 промилле по причине изменения структуры населения в сторону более возрастных категорий, характеризующихся низкой миграционной активностью⁴².

Это свидетельствует о воспроизводстве центростремительных тенденций миграции населения, что в перспективе выступает риском для воспроизводства уже не только сельской периферии, но и крупных городов региона.

При этом наибольший миграционный потенциал отмечается у молодежи до 30 лет (20,1% опрошенных планируют уехать, 28,1% – затруднились с ответом, т. е. в целом почти половина), жителей с высшим образованием (17,9% планируют отъезд и 24,2% затруднились с ответом, т. е. не исключают вариант переезда)

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы переехать в ближайшие 3–5 лет на постоянное место жительства в другой населенный пункт?», % от числа опрошенных

Ответ	Вологда	Череповец	Муниципальные округа*	Область в целом
Нет	51,7	63,4	70,6	63,4
Да, в том числе:	17,4	13,8	12,1	14,1
в другой городской населенный пункт Вологодской области	3,3	1,5	4,8	3,5
за пределы Вологодской области	8,6	5,8	3,2	5,4
в другой сельский населенный пункт Вологодской области	1,9	3,5	3,1	2,9
за пределы страны	3,6	3,0	1,0	2,3
Затрудняюсь ответить	30,9	22,8	17,3	22,5

* Отсортировано по убыванию оценок жителей муниципальных округов.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁴¹ Здесь будет город-сад?! // ВЦИОМ. 18.02.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdes-budet-gorod-sad>

⁴² Городские и муниципальные округа (районы) Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2025. 275 с.

и высокодоходных групп населения (16,3 и 24,7% соответственно), что ведет к снижению человеческого потенциала региона (табл. 10).

Вышеотмеченное актуализирует задачу кардинального пересмотра приоритетов государственной политики, поиска внутренних источников развития локальных территорий, в т. ч. на основе повышения финансово-экономической самостоятельности института местного самоуправления.

И начинать необходимо с поиска *идеи*, которая бы объединяла российское общество (население, власть, бизнес). При этом, согласно исследованиям ВолНЦ РАН, в российском обществе ценностный консенсус формируется вокруг «государственнических» и патриотических идей, а не либерально-индивидуалистических или прозападных ориентиров. Так, ответ о том, что ключевой идеей, которая может объеди-

нить российское общество, в настоящее время является «единение народов России в целях ее возрождения как великой державы», дала почти половина ответивших (48,2%), что на 26 п. п. выше, чем в 2002 году. При этом наблюдается межпоколенческая преемственность: рост поддержки данной идеи фиксируется во всех возрастных группах, включая молодежь до 30 лет.

Однако для ее практической реализации нужна «национализация» правящих элит, ориентиром деятельности которых должна стать реализация суверенной государственной политики в рамках нового общественного договора в условиях экономической, военной и социокультурной конфронтации со странами коллективного Запада. Это, как свидетельствует исторический опыт России, позволит обеспечить внутреннюю консолидацию власти и общества перед лицом стоящих вызовов.

Таблица 10. Социально-демографический портрет респондентов, ответивших на вопрос «Планируете ли Вы переехать в ближайшие 3–5 лет на постоянное место жительства в другой населенный пункт?», %

Показатель	Да, за пределы Вологодской области	Да, в другой городской населенный пункт Вологодской области	Да, в другой сельский населенный пункт Вологодской области	Да, за пределы страны	Нет	Затрудняюсь ответить
Пол						
Мужской	6,8	3,3	3,6	2,4	61,0	23,0
Женский	4,3	3,7	2,3	2,2	65,3	22,2
Возраст						
до 30 лет	9,5	4,8	1,0	4,8	51,9	28,1
30–55 лет	5,5	4,5	3,3	2,6	56,1	28,0
старше 55 лет	3,8	1,9	3,1	1,0	76,3	14,0
Образование						
Среднее и н/среднее	5,1	4,1	3,5	1,0	67,1	19,1
Среднее специальное	3,1	3,6	2,7	1,6	64,7	24,2
Высшее и н/высшее	8,5	2,6	2,4	4,4	58,0	24,2
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	5,5	4,4	4,1	1,8	53,1	31,0
60% среднеобеспеченных	3,9	3,8	3,3	1,8	69,9	17,2
20% наиболее обеспеченных	8,5	3,0	1,8	3,0	59,0	24,7
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.						

В то же время либеральные реформы 1990-х годов и построенный в результате «капитализм для своих», а также высокие масштабы коррупции во всех эшелонах власти в настоящее время являются ключевым ограничением для трансформации системы управления и эффективной реализации суверенной государственной политики.

«По своим масштабам и глубине воздействия на жизнь российского общества особое влияние оказывает **оппортунистическое поведение российской бюрократии. Отдельные ее представители игнорируют задачи реформ либо проводят их с ориентацией на свои групповые интересы. Это проявляется в расхищении государственного бюджета, коррупции**»⁴³.

«Элита на сегодняшний день не имеет патриотического чувства по отношению к России, именно материальные ценности выходят на передний план. Поэтому о «национализации элиты» говорить еще рано»⁴⁴.

О масштабе проблемы красноречиво свидетельствуют следующие факты. Так, в 2025 году зарегистрировано свыше 43 тысяч коррупционных преступлений (более трети совершены в крупном и особо крупном размере и в составе организованных групп); увеличивается число таких дел по отношению к чиновникам силовых структур, ВПК, судебной системы. По данным Генпрокуратуры, в 2025 году в казну вернули недвижимости и иного имущества совокупной стоимостью 1,6 трлн рублей⁴⁵ (для справки: это почти 0,8% от ВВП страны и 28% от общего

объема дефицита федерального бюджета за 2025 год).

При этом, как отмечается в последнем докладе «Минченко консалтинг»⁴⁶, недружественное окружение и риски военного столкновения с НАТО в настоящее время делают в первую очередь именно *инерционный сценарий* во внутренней политике наиболее понятным для элиты, а в качестве ключевого параметра на первый план выходит устойчивость бюрократической системы. Всё это может законсервировать происходящие в элитах трансформации и является риском для реализации национально ориентированной политики.

«Негативная внешняя конъюнктура остается серьезным ограничителем для внутривнутриполитической динамики в России. Недружественное окружение и риски военного столкновения с НАТО делают инерционный сценарий во внутренней политике наиболее понятным для элиты, а в качестве ключевого параметра на первый план выходит устойчивость системы».

«Ключевые изменения элитной структуры связаны с частичной ротацией внутри юридически-силового блока, которая еще не закончена, а также с масштабными чистками региональной и федеральной бюрократии...»⁴⁷

Решение указанной задачи предполагает необходимость формирования у элит патриотической идентичности, приоритета национальных интересов над личными или транснациональными, превращения их в реальных носителей национальной идеи.

⁴³ Власов Ф. (2019). Издержки оппортунистического поведения социальных групп // Общество и экономика. № 6. С. 42.

⁴⁴ Власова О. (2020). Почему в России нет настоящей национальной элиты? // Культура. № 8. 27.08.2020. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/opinions/329841-pochemu-v-rossii-net-nastoyashchey-natsionalnoy-elity/>

⁴⁵ Доклад Генерального прокурора РФ А. Гуцана в Совете Федерации (15.04.2026). URL: <https://epp.genproc.gov.ru/gprf/mass-media/news/main/e8463315/>

⁴⁶ Полютбюро 2.0. Осажденная крепость // Минченко консалтинг. Ноябрь 2025 г. 29 с.

⁴⁷ Там же.

Важная роль в данных процессах принадлежит патриотической социализации, приоритету при продвижении по госслужбе («социальный лифт») лицам, демонстрирующим приверженность национальным интересам⁴⁸.

«...решить проблему национализации элит организационно-юридическими инструментами принуждения невозможно. Необходимо системное, стратегически хорошо просчитанное решение проблемы, т. е. решение, которое формировало бы условия, которые гарантированно защищали бы общество, государство, власть и элиты от политико-ценностной размытости»⁴⁹.

Следует отметить, что с 1 марта 2024 года по инициативе Президента РФ В.В. Путина стартовала федеральная кадровая программа «Время героев», которая, на наш взгляд, играет важную роль в данном процессе. Программа направлена на подготовку высококвалифицированных руководителей из числа участников СВО для работы в органах государственной и муниципальной власти, госкомпаниях⁵⁰. За два потока обучение прошли 168 человек⁵¹, более 80 участников получили назначения⁵². В декабре 2024 года В.В. Путин поручил расширить «Время героев» на регионы⁵³.

Видится целесообразным данный проект масштабировать на другие сферы общественной жизни, т. е. на системной основе «выращивать» новую элиту, которая не только словом, но и делом готова реализовывать суверенный путь развития страны в условиях современных геополитических трансформаций.

Наряду с этим необходима кардинальная смена экономической модели развития страны. В числе ключевых стратегических приоритетов новой модели развития должны находиться

рост производительности труда, развитие внутреннего рынка и производство продукции с высокой добавленной стоимостью. Именно на необходимость решения данных стратегических задач, обеспечение устойчивого экономического роста обращал внимание В.В. Путин на совещании с Правительством и Центробанком РФ по экономическим вопросам, которое прошло 15 апреля 2026 года.

«Считаю нужным постоянно нацеливать нашу работу на подготовку конкретных мер для стимулирования роста, на выработку адекватных решений для преодоления в целом ожидаемых тенденций, которые и проявляются в последнее время.

И конечно, как уже было сказано, жду предложений по дополнительным мерам, направленным на возобновление роста отечественной экономики, на поддержку деловых инициатив, на улучшение структуры занятости в пользу отраслей с более эффективными рабочими местами, где формируется высокая добавленная стоимость»⁵⁴.

Схожую позицию высказали и ведущие эксперты страны (С. Глазьев, Р. Нигматуллин, О. Дмитриева, К. Бабкин, О. Сухарев), выступая на прошедшем в начале апреля 2026 года X Московском экономическом форуме (МЭФ-2026). Не скрывая масштаб существующих проблем в экономике страны, они обозначили предложения по пересмотру денежно-кредитной и налоговой политики, поскольку высокая ключевая ставка подорвала экономический рост, а повышение налогов (включая НДС) и давление на малый бизнес разогнали инфляцию. По их мнению, необходимо перенести фискальную нагрузку с производства на потребление. Кроме того, стране нужны новая индустриализация, поддержка производствен-

⁴⁸ Расторгуев С.В. (2019). «Национализация российской элиты» как политический проект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 4. С. 6–12. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12

⁴⁹ Охотский Е.В., Григорян Д.К. (2020). Национализация элит: объективная необходимость, политико-правовая обоснованность, перспективы // Коммуникология. Т. 8. № 3. С. 109–124.

⁵⁰ Время героев. URL: <https://xn--b1aachba0csne6n.xn--p1ai/>

⁵¹ Время героев: итоги года. URL: https://www.ranepa.ru/news/vremya-geroev-itogi-goda/?utm_source=chat.qwen.ai&utm_medium=referral&utm_campaign=chat.qwen.ai&utm_referrer=chat.qwen.ai

⁵² Настоящая элита: итоги двух лет реализации программы «Время Героев». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2026/03/01/22570351.shtml>

⁵³ Резерв народного главкомандования. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7563609>

⁵⁴ Выступление В. Путина на совещании по экономическим вопросам 15 апреля 2026 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79558>

ного бизнеса и разумный протекционизм. Для этого целесообразным видится развитие института целевого кредитования инвестиций под 2–4%, что в настоящее время активно применяется в Китае и на Западе, чтобы обеспечить переход экономики к новому технологическому укладу⁵⁵. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость обеспечения сбалансированного пространственного развития страны.

Константин Бабкин, президент Ассоциации «Росспецмаш»:

«Собираемся в необычной ситуации. Нужно развивать города, села, строить дороги, работать и инвестировать. При этом видим охлаждение экономики. Заводы переходят на трехдневный график, крестьяне отказываются сеять – апатия во многих отраслях экономики и сферах человеческой деятельности»⁵⁶.

Сергей Глазьев, госсекретарь Союзного государства России и Беларуси:

«... те сферы экономики, которые задействованы на государственный или внешний спрос, продолжают активно расти... Отрасли же, зависящие от кредита, вынуждены сокращать производство, потому что процентные ставки не позволяют окупить кредиты»⁵⁷.

Роберт Нигматулин, академик РАН:

«Налоги надо брать не с производства, а со сверхдоходов. Страна идет к двузначному падению экономики. Мы опаздываем, коллеги, а мир не ждет»⁵⁸.

Подводя определенные итоги, необходимо отметить, что проблема пространственного развития для больших по площади стран мира является определяющей в контексте обеспечения национальной безопасности. При этом либеральный подход к регулированию данных процессов, который активно применялся в России в последние десятилетия, привел к обострению негативных тенденций, в первую очередь к деградации потенциала периферий-

ных территорий, локационному сжатию освоенного социально-экономического пространства страны.

Однако следует отметить, что в настоящее время произошел определенный, на наш взгляд, позитивный поворот в государственной политике. В частности, при реализации Стратегии пространственного развития России до 2030 года и на прогнозный период до 2036 года, государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» и ряда других инструментов государственного регулирования наряду с развитием городских агломераций значительные усилия и бюджетные средства предполагается направить на модернизацию экономики и инфраструктуры малых/средних городов, сельских населенных пунктов. Именно это позволит создать прочный хозяйственный фундамент для модернизации их хозяйства и комфортную среду проживания для населения данных территорий.

В этом контексте перспективным инструментом государственной политики, на наш взгляд, может стать также реализация комплекса следующих мероприятий, позволяющих раскрыть потенциал глубинных территорий и создать условия для развития внутреннего рынка страны:

а) формирование иерархически-полицентричной организации социально-экономического пространства регионов России на основе обеспечения соразвития городских агломераций различного масштаба и других опорных населенных пунктов;

б) модернизация традиционных и формирование отраслей новой экономики малых/средних городов как опорных населенных пунктов; стратегически важным видится, с одной стороны, налаживание их тесной производственной кооперации с агломерациями при реализации крупных народнохозяйственных проектов, а с другой – обеспечение развития их как организационно-хозяйственных, производственных и культурно-просветительных центров для сельской местности;

⁵⁵ Материалы X Московского экономического форума (МЭФ-2026). URL: <https://me-forum.ru/media/smi/>

⁵⁶ На МЭФ-2026 призвали срочно начать ремонт российской экономики. URL: <https://www.kp.ru/daily/27773/5235443/>

⁵⁷ Охлаждать экономику больше нельзя. На МЭФ-2026 призвали окончательно порвать с либеральными догмами в пользу развития. URL: https://tsargrad.tv/news/ohlazhdad-jekonomiku-bolshe-nelzja-na-mjef-2026-prizvali-okonchatelno-porvat-s-liberalnymi-dogmami-v-polzu-razvitija_1639284?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.14db55fb809kyX

⁵⁸ На МЭФ-2026 призвали срочно начать ремонт российской экономики. URL: <https://www.kp.ru/daily/27773/5235443/>

в) возрождение, в т. ч. на инновационной основе, социально-экономических связей по линии «город – село»⁵⁹.

Однако главным условием для их эффективной реализации на практике является верность национальных элит суверенному курсу развития, поскольку после 2022 года Россия вступила в новый этап, требующий консолидации всех сил и повышения эффективности государственного управления, прежде всего с точки зрения обеспечения национальной безопасности на фоне стоящих перед страной угроз. Эти обстоя-

тельства актуализируют организацию системы мониторинга происходящих пространственных трансформаций и развития территориальных сообществ на всех иерархических уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

Практическая реализация данных приоритетов будет способствовать повышению эффективности стратегического государственного управления, что позволит президенту продолжить реализацию курса национального развития, ориентируясь «на интересы страны на столетия вперед...»⁶⁰.

Литература

- Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: признаки будущего доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 33–54. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.2
- Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 46–65. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.2
- Бахтизин А.Р. (2024). Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. С. 69–88.
- Бердяев Н.А. (1990). Судьба России. Москва: Философское общество СССР. 240 с.
- Власов Ф. (2019). Издержки оппортунистического поведения социальных групп // Общество и экономика. № 6. С. 35–44.
- Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке (2020) / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 365 с.
- Глазьев С.Ю. (2012). Эволюция новой экономической системы. «Стратегия 2020» – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. № 2. С. 3–9.
- Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития (2023) / Пузанов А.С. (научная редакция), Попов Р.А., Полиди Т.Д., Гершович А.Я. Москва: Фонд «Институт экономики города». 192 с.
- Дружинин А.Г., Колосов В.А. (2025). Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 47–57. DOI: 10.47711/0868-6351-211-47-57
- Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024). Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // Общественные науки и современность. № 4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094
- Ильин В.А., Кожевников С.А. (2022). Пространственная и социокультурная трансформация России: взгляд из региона // Муниципалитет: экономика и управление. № 4. С. 16–29.

⁵⁹ Дружинин А.Г., Колосов В.А. (2025). Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи // Проблемы прогнозирования. № 4 (211). С. 47–57. DOI: 10.47711/0868-6351-211-47-57; Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития (2023) / Пузанов А.С., канд. геогр. наук (научная редакция), Попов Р.А., канд. геогр. наук, Полиди Т.Д., канд. экон. наук, Гершович А.Я. Москва: Фонд «Институт экономики города». 192 с.; Черныш М.Ф., Маркин В.В., Баймурзина Г.Р. [и др.] (2021). Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 598 с.

⁶⁰ Выступление В. Путина на Пленарном заседании VI Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» 27 марта 2025 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/76554>

- Ильин В.А., Морев М.В. (2026). Эффективность стратегического государственного управления: состояние российского общества по итогам четырех лет проведения СВО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 19–56. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.6
- Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. (2018). Территориальная фрагментация единого правового пространства России // Федерализм. № 1. С. 173–190.
- Ленчук Е.Б. (2021). Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // Экономическое возрождение России. № 3 (69). С. 25–30. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-25-30
- Охотский Е.В., Григорян Д.К. (2020). Национализация элит: объективная необходимость, политико-правовая обоснованность, перспективы // Коммуникология. Т. 8. № 3. С. 109–124.
- Панарин А.С. (1995). Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). Москва: Институт философии РАН. 262 с
- Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011) / отв. ред. Л.В. Никифоров. Москва: Институт экономики РАН. 385 с.
- Расторгуев С.В. (2019). «Национализация российской элиты» как политический проект // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 4. С. 6–12. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-12
- Цымбурский В.Л. (2007). Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. Москва: РОССПЭН. 544 с.
- Черныш М.Ф., Маркин В.В., Баймурзина Г.Р. [и др.] (2021). Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 598 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Ilyin V.A., Kozhevnikov S.A.

Russia's Spatial Policy in the 21st Century: Problems of Effective Public Administration in the Face of Growing Threats to National Security

Abstract. In the context of escalating geopolitical confrontation and increasing dynamism of the external environment, ensuring Russia's national security largely depends on the effective use of internal development factors, which include a significant, but currently insufficiently utilized spatial potential. This article, based on official statistics, our own monitoring studies, the results of all-Russian and regional sociological surveys, an analysis of the results of the practical implementation of strategic documents in this area, as well as the opinions of leading experts, presents an assessment of the effectiveness of public management of spatial development in Russia. It is shown that the market reforms of the 1990s, as well as the country's development in the following decades within the framework of the liberal model, led to the locational compression of developed socio-economic space, depopulation and degradation of the potential of small / medium-sized cities, rural areas, a decrease in the quality of life in peripheral territories, which poses a serious risk to national security. The objective facts presented in the work and subjective assessments of residents indicate an urgent need to improve the effectiveness of strategic public

management of spatial development. This primarily concerns abandoning the approach of understanding the country's space as a "burden" and the need to increase the accountability of government bodies at all levels for achieving the targets of state strategies and development programs. The paper substantiates key areas for improving federal and regional public policy and demonstrates that their effective implementation requires the "nationalization" of the ruling elites. Their activities should be guided by the pursuit of a sovereign development course amidst intensifying economic, military, and sociocultural confrontation, thereby ensuring the consolidation of power and society in the face of emerging challenges. The author's contribution lies in expanding approaches to assessing the country's spatial development in the context of the growing role of territorial communities in these processes and substantiating strategic priorities for transforming Russia's state spatial policy in the context of intensifying contemporary challenges.

Key words: geopolitical turbulence, spatial development, locational compression of space, liberal model, ruling elites, national security.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of center, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)